

А. О. Крашенинина

ДИАЛЕКТИКА ПОЗИТИВНОЙ И НЕГАТИВНОЙ СВОБОДЫ В ЭВОЛЮЦИИ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Свобода на протяжении всей истории университетов является их ценностью, но с изменением функций и форм университетов компоненты свободы также меняются. Существует опасность потери ответственности при достижении свободы как абсолютной ценности. Автор анализирует исторические формы европейских и североамериканских университетов в целом и явление интернационализации высшего образования в частности с позиции концепции позитивной и негативной свободы и выявляет необходимость моральных либо институциональных ограничений.

Ключевые слова: университет, негативная свобода, позитивная свобода, интернационализация, ответственность.

В эпоху модернизации высшего образования российское сообщество задается вопросами о фундаментальных ценностях университета и соответствии им новых веяний.

Университет издавна являлся особым институтом общества с комплексом присущих ему особенностей и характеристик. От эпохи к эпохе формы, функции претерпевали изменения, но суть концентрации знания, творчества, свободного духа оставалась прежней. Одной из основополагающих ценностей университета является свобода. Наиболее дерзкие, незашоренные идеи появляются здесь, идея университета опирается на такие понятия, как свободный дух, свободное исследование, свобода выбора и слова, наконец, концепцию последних лет – открытое образовательное пространство. В связи с очередной сменой типа общества институт высшего образования должен снова адаптироваться. Он постепенно теряет материальные, физические рамки, пересекает границы государств, воспитывает человека постиндустриального, коммуникативного общества. Одним из видимых и ярко обсуждаемых аспектов преобразования является интернационализация университета, что уже есть реальность многих зарубежных университетов, и только становится реальностью в пережившей длительный период изоляции и пестующей собственную самобытность, традиционную «самотность» России.

В данной работе рассматривается свобода европейских и североамериканских университетов, степень их интернационализации на протяжении своей истории, а также анализируется интернационализация как выражение свободы университета. Так как понятие свободы очень многогранно, применяется анализ с позиции позитивной и негативной свободы.

Согласно теории И. Берлина, существует два типа свободы: негативная («свобода от») и позитивная («свобода для»). В первом случае свобода воспринимается как область, в рамках которой че-

ловек может действовать, не подвергаясь вмешательству со стороны других (и заключается в ответе на вопрос: «Какова та область, в рамках которой субъекту – будь то человек или группа людей – разрешено или должно быть разрешено делать то, что он способен делать, или быть тем, кем он способен быть, не подвергаясь вмешательству со стороны других людей?»), во втором – свобода определяется лишь желанием субъекта быть действующим субъектом, преодолением внутренних барьеров («Что или кто служит источником контроля или вмешательства и заставляет человека совершать это действие, а не какое-нибудь другое, или быть таким, а не другим?») [1].

Исследователь Б.П. Вышеславцев [2] размышляет отлично от И. Берлина. Он определяет два типа свободы как две ступени, т.е. ставит позитивную свободу как продвинутую версию негативной. Негативная свобода – это свобода произвола, позитивная – свобода творчества, на основе внутреннего нравственного закона. Таким образом, ответственность возникает лишь при позитивной трактовке свободы. При этом он отрицает их сосуществование у одного субъекта и декларирует необходимость перехода от одной к другой, т.е. обязательное первичное наличие негативной (низшей, по его мнению) свободы. Так как ценен сам переход.

Социальную свободу «от» как цель всех революций относит к гносеологическому периоду развития философии (XVII в. – 60-е гг. XIX в.) исследователь Г.П. Выжлецов. В то время как свобода «для», т.е. духовная свобода человека как личности, более современная и характеризует ценность аксиологического периода. Позитивная свобода неразрывно связана с понятием ответственности индивида перед самим собой [3].

Т.Ф. Милова (Институт философии НАН Беларуси) полагает, что «подлинная суть свободы состоит не в том, чтобы ни от чего не зависеть, а в том, чтобы существующие зависимости преодолеть, чтобы действовать с учетом ограничений ре-

альности, но согласно своим собственным целям, т. е. не внутри, а „поверх“ зависимостей» [4].

Как определить негативные и позитивные аспекты свободы университета? Так как негативная свобода – это осознание отсутствия внешних ограничений (для университета – контролирурующих организаций, напрямую или косвенно вмешивающихся в его деятельность), а свобода позитивная – это свобода ответственного действия в соответствии со своими внутренними установками и ценностями, то нужно и рассматривать в первом случае, какие силы ограничивают, направляют, контролируют деятельность университета, а во втором – в соответствии с какими ценностями (разделяемыми разнообразным личным составом университета) университет действует. Думается, что при отсутствии противоречия между первыми ограничениями и вторыми ценностями и представлениями, а также целями субъекта конфликта в данной общественной системе не возникает.

Теперь рассмотрим негативные и позитивные свободы и несвободы разных типов (в т. ч. исторических) университетов.

Первые объединения людей, созданные для получения «чистого знания», – афинские академии положили начало либеральному образованию. Сам термин происходит от *лат. liber* «свободный». «Либеральное, или свободное образование, было образованием свободного человека в афинском обществе» (Дж. Дьюи) [5]. Свободного прежде всего юридически, не являющегося рабом, свободного от повседневных забот о хлебе насущном человека. Мыслители Античности считали обучение свободным искусствам подготовкой души к восприимчивости благодетели.

В Средние века либеральное образование ставит целью воспитать духовно свободную личность. У Дж. Ньюмена слово «либеральный» применительно к знанию выражает «особую идею, которая всегда была и вечно будет по причине неизменности сути человека, как выступает специфичной идея Прекрасного (Возвышенного, Комического, Трагического)». Либеральное образование и либеральные устремления являются упражнением души, рассудка, мысли [6]. На первый план выходят потребности личности, а не общества в целом. Профессор А. И. Левко, главный научный сотрудник Национального института образования, предполагает, что «в основе зарождения и развития университета лежат определенные мировоззренческие, прежде всего ценностно-нормативные представления и потребности реальных условий бытия, стремление как-то вырваться за узкие рамки этих условий и своего времени, расширить и изменить их. При этом сама потребность в образовании явилась прямым следствием выделения человека из

сугубо природного состояния в направлении к его социализации. И первым шагом на этом пути, пожалуй, явился переход от мифологического к религиозному сознанию и самосознанию. Это не только позволило выделить себя из природы и осознать свое собственное „Я“ как автономного самостоятельного субъекта действия, но и породило совершенно новое общественное состояние, требующее морального и правового регулирования» [7]. Мы видим здесь «негативное» освобождение средневекового человека от природы, и «позитивную» свободу действовать автономно, но ответственно.

Кроме того, средневековые университеты имели определенную автономию от жестких организационных систем, от влияния государства. Свободные объединения преподавателей и студентов обозначались термином *studium privilegium*, что означало привилегированное и независимое положение университетов, которые имели право обучать всех и обучать всякому знанию. Привилегии университетов не могли не быть признанными папой и королями, ибо в случае их противления не имевший никакого имущества университет объявлял о прекращении своего существования и через некоторое время собирался вновь, но уже в другом городе [5].

Ограничивает негативную свободу университетов в Средние века в Европе и первых колледжей в Америке такая внешняя сила, как церковь. Университеты обслуживали этот институт, будучи поставщиками «теологов, специалистов по церковному праву и образованной элиты для этого субобщества» [5].

Для классического либерального университета негативными свободами являются свобода от государственного режима, изменений в обществе, массового сознания, стремлений общества специфицировать человека, механистической деятельности. Позитивными же являются свободы действовать на основе таких ценностей и целей, как духовное развитие личности, развитие и распространение идей гуманности, красоты, свобода воспитывать энциклопедиста. Религию можно также рассматривать как моральное ограничение, ценность, которой руководствовались позитивно свободные люди в то время.

В эпоху Возрождения, принесшую с собой смену ценности духа на ценность знания, либеральный характер университетского образования трансформируется в «формальное образование», сводя его к развитию лишь разума, интеллектуальных способностей «человека вообще» [7].

Складывание буржуазного, технократического общества, промышленные революции меняют ценности и в образовании, и в XVIII в. в Европе и в

XIX в. в Америке наряду с либеральным знанием появляется полезное (или утилитарное) знание. Сторонники философского течения утилитаризма считали отношения полезности основным критерием нравственной чистоты поступков и разумности поведения человека. Утилитаристы настаивали на расширении системы образования и превращении его в универсальное и народное. Социальная функция университета тут заключалась в производстве, развитии и распространении передового научного знания, и деятельность должна носить более прикладной характер [5]. Здесь потребности всего общества превалируют над потребностями отдельной личности.

Представителями яркой университетской утилитарной традиции можем назвать американские колледжи с 1862 г., образованные по Морриловским актам и утвержденные президентом А. Линкольном, где учебные программы отличались крайним прагматизмом.

Для утилитарного типа университета характерны негативные свободы от неопределенности, многообразия мировых идей, присущих предыдущему типу, от классовых и имущественных ограничений доступа; в качестве позитивных свобод могут рассматриваться такие ценностные установки, как повышение уровня жизни общества, помощь в развитии производства, свобода сотрудничества с представителями реального сектора.

Начиная с XIX в. университетское образование стало объектом для множественных дискуссий. Ведущими мыслителями (Ортега-и-Гассет, Дж. Ньюмен, В. фон Гумбольдт, К. Ясперс) разрабатываются концепции «идеальных университетов», где борются или комбинируются традиции либерального и утилитарного образования, а также культурная, исследовательская и образовательная функции университета. В разной степени признавая необходимость либерального образования в университете, классики считают важными функциями передачу культуры, развитие духовности или свободные научные исследования, а также образование и воспитание. Но мнения сходятся в необходимости позитивной свободы университета: преодоление абсолютного утилитаризма, свобода духа в рамках одновременно передающейся культуры, т.е. «системы жизненных идей» (Гассет) [6] и отношение с государством. Университет как институциональная форма, по Ясперсу, всегда включен в систему общественно-политических отношений. «Фактически почти всегда существует борьба между государством и университетом. В этой борьбе государство имеет перевес. Университет ему подчинен. Он не может его уничтожить. Борьба поэтому может быть только духовной» [5]. Другими словами, будучи ограниченным волей государ-

ства (негативно несвободным), университет должен быть свободен позитивно и выполнять свое назначение.

С середины XIX в. проблема двух тенденций в образовании приобрела новый поворот: разделение на массовое и элитарное образование. Вследствие определенных процессов социальной мобильности университетское образование перестало быть средством классового воспроизводства, стало доступным и необходимым широким слоям населения. Некоторые философы (Э. Дюркгейм, М. Вебер) видят в этом естественный итог социальной революции, а другие (К. Манхейм, Т. Веблен, Ортега-и-Гассет) – угрозу идеалу образования со стороны натиска масс [8]. Можно увидеть стремления к негативной свободе университета от классовой, имущественной дискриминации, а можно – сложную позитивную свободу исследователей, преподавателей и студентов в овладении знаниями с последующим их этичным приложением. Иначе возможен мир «восставшей массы», т.е. пополнение интеллектуальной элиты «массовыми людьми», которые, обладая знаниями только в своей узкой специальности, ведут себя с амбициями, присущими знатоку и специалисту, не признают авторитетов и не чувствуют свою ответственность перед обществом. Они, оставаясь массой, стремятся занять место элиты [8]. М. Вебер подчеркнул, что в условиях когда университеты привлекли в свои стены массы, им необходимо формировать у будущих ученых, политиков, предпринимателей этику ответственности, т.е. ясное осознание того, что надо расплачиваться за последствия своих действий [8].

Влияние церкви в XX в. в промышленно развитых Европе и Америке заметно ослабло, соответственно, освободились от влияния и университеты. Однако исследователи трактуют это освобождение двояко: это вело «не только к освобождению науки от сдерживающих ее развитие религиозных пут, но также и к освобождению теоретиков и практиков научного прогресса от моральной ответственности перед богом, а значит, перед людьми за ведущие к разрушению человека изобретения» [5]. Расширение свободы в негативном смысле – от ограничивающей организации привело к понижению ответственности. Обычно понимается, что свобода подразумевает ответственность. Вспоминая определение двух свобод у Б. П. Вышеславцева, находим закономерным, что негативная свобода не влечет за собой ответственности.

В современных университетах также различны представления о свободе. По классификации Т. Хьюсена [6] существует четыре модели, носящие национальный характер: «гумбольдтовский» исследовательский университет“, британская модель ин-

тернатного типа („модель Оксбриджа“), французская модель „больших школ“, чикагская модель». Г. Каррье в статье «Культурные модели университетов» выделяет прагматическую модель университета развивающихся стран, революционную контркультурную модель, а также модель политизированного университета [9].

Исследователь Е. В. Строгеецкая делает предположение, что современный российский университет принадлежит к типу прагматическому, в котором «традиционные задачи воспроизводства культуры, продуцирования духовных ценностей и поиска истины отходят на второй план. Функция университета сводится к предложению востребованных обществом образовательных и научных „продуктов“. Эта модель ориентирована на такие не свойственные классическим моделям университета виды деятельности, как коммерция, сервис, предпринимательство» [9].

Вероятно, прагматическая модель стремится преодолеть (в смысле негативной свободы) финансовую зависимость от государства, от стандартов общества с целью обретения позитивной свободы в самовыражении через самостоятельное определение содержания программ, форм обучения и, соответственно, возможность самостоятельно находить источники финансирования, методы работы с рынком, научных, образовательных и бизнес-партнеров.

Выясняется, что на протяжении всего времени существования университетов идея свободы в них трансформируется: неактуальные более в обществе системы контроля отходят на дальний план и как факторы ограничения свободы университетов (рабство, доминирование церкви, монополия политического режима); функция университета меняется, соответственно этому меняются и компоненты его свободы. «Многовековая история существования университета есть яркое свидетельство его способности к адаптации, его необыкновенной способности к обновлению» [6].

Но какую свободу дает университету интернационализация?

Можно ли считать интернационализацию свободой университета в негативном смысле – свободой от страновой принадлежности, государственных границ, культурных основ определенного общества? Во-первых, естественен ли этот процесс для университета? Принцип интернациональности, свободы от страновых барьеров был чрезвычайно важен в ранние периоды: «Важность средневековых университетов в деле распространения знания можно считать само собой разумеющейся, – пишет Ч. Гаскинс. – По самому своему определению *studium generale* был открыт для ученых всех стран, студенты и профессора переходили от одного института к другому, перенося с собой кни-

ги и записи лекций, а также все, что имелось у них в головах» [5]. Но некоторые исследователи, считает Х. де Вит, «игнорируют тот факт, что университеты, возникшие в XVIII–XIX вв., обладали четкой национальной ориентацией и функциями» [10]. «Схолар превратился из странника в гражданина. Но во второй половине этого века образование снова становится интернациональным» [11].

Целью этого процесса является доступ к новым знаниям и компетенциям, что повлечет за собой рост мирового благополучия, в гуманном смысле – установление понимания и уважения относительности религий, культурных ценностей, этнического многообразия, условий жизни, идеологий и идей, т. е. предотвращение мировых конфликтов. С точки зрения негативной свободы, это освобождение от географических, материальных, идейных (государственных) границ, преодоление препятствий в доступе к проведенным научным исследованиям. По сути, все это можно объединить под освобождением от государственных границ.

Но не станет ли результатом негативного освобождения потеря университетом ответственности?

Безграничная, неорганизованная свобода («свобода произвола», негативная свобода, по Б. П. Вышеславцеву [2]) представляет опасность для образования: «Плюрализм образовательных стратегий допускает опасность проникновения в образование, его методы, задачи, цели и ценности принципа вседозволенности» [12]. Освобождение от государственных границ и подотчетности государству может вызвать безответственность научных объединений за результаты исследований, прежде всего за результаты, способные нанести вред мировому сообществу и окружающей среде. Также результатом может явиться стремление к прибыли, снижение качества образования, коммерциализация, массовизация университетского образования. Этот результат уже можно наблюдать во многих университетах, вышедших на мировой рынок и играющих на нем по правилам международного бизнеса. Примеры снятия контроля видим и в истории: после упомянутого снижения влияния церкви на американские университеты в начале XX в. возникла острая проблема прихода бизнеса в университеты, становление бизнесменов во главе администрации, ведение дел университета по моделям ведения бизнеса, открытие привлекательных для студентов специальностей, потеря университетом роли центра передовой науки и образования высшего класса. Еще одной опасностью может явиться хаос в умах студентов, длительная неопределенность с местом применения своих способностей. Согласно Г. И. Петровой, «человеку в знаково-информационном, технологическом мире предлагается постоянный выбор в хаосе распавшихся

и ставшими гетерогенными истины и сущности. Его жизнь есть выбор и постоянные поиски себя, ибо нет „себя“ единого» [12].

Из вышесказанного следует, что во избежание воспитания «злых гениев» науки, создающих и применяющих результаты, наносящие вред окружающей среде, и (или) использующих эти результаты в корыстных целях, а также воспитания «потерянной молодежи», не определившейся с призванием, или «туристической массы», воспринимающей образование как развлечение, дающее еще и возможность поехать по миру, нужно надеяться на свободу университета в позитивном смысле. Под этим понимаются ограничения в виде моральной ответственности талантливых ученых, готовых заниматься наукой без огромной собственной выгоды, ответственности за распространение

результатов исследований, ответственности преподавателей за качественную передачу знаний. В современных исследованиях идет речь о формировании «планетарного» мышления, о развитии духа общечеловеческих ценностей [13].

Либо нужно создавать ограничения свободы произвола в негативном смысле. Так, если в национальном университете роль контроля играет государство и особые ценностные традиции общества, над интернациональным университетом должна существовать организация, занимающаяся вопросами этики, и организация, контролирующая качество. Опасно, если сообщество, в том числе и университетское, воспринимает свободу только как негативную. Освободившись от всех ограничений, необходимо прежде всего понимать, во имя чего это делается.

Список литературы

1. Берлин И. Две концепции свободы // Современный либерализм. М., 1998. С. 19–43. URL: <http://kant.narod.ru/berlin.htm>
2. Вышеславцев Б. П. Две свободы: негативная и позитивная // Этика преображенного эроса. Париж, 1931; М., 1994. URL: http://kirsoft.com.ru/freedom/KSNews_363.htm
3. Выжлецов Г. П. Аксиология культуры. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1996. 152 с.
4. Милова Т. Ф. Университет как очаг свободы: мифология, социология, личностная стратегия // Идея университета: парадоксы самоописания: сб. мат-лов III междунар. науч.-практ. конф. «Университетское образование: от эффективного преподавания к эффективному учению» (29–30 апреля 2002 г., Минск) / под ред. М. А. Гусаковского, А. А. Полонникова. Минск: БГУ, 2002. С. 43–47. URL: <http://charko.narod.ru/tekst/cb7/mil.html>
5. Захаров И. В., Ляхович Е. С. Миссия университета в европейской культуре. М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1994. 240 с.
6. Гусаковский М. А., Яценко Л. А., Костюкевич С. В. и др. Университет как центр культуропорождающего образования. Изменение форм коммуникации в учебном процессе / под ред. А. Гусаковского. Минск: БГУ, 2004. 279 с. URL: <http://www.charko.narod.ru/tekst/monogr/1.htm>
7. Левко А. И. Классический и современный университет: проблема ценностей // Идея университета: парадоксы самоописания: сб. мат-лов III междунар. науч.-практ. конф. «Университетское образование: от эффективного преподавания к эффективному учению» (29–30 апреля 2002 г., Минск) / под ред. М. А. Гусаковского, А. А. Полонникова. Минск: БГУ, 2002. С. 22–31. URL: <http://charko.narod.ru/tekst/cb7/lev.html>
8. Латыш Н. И. Идея университета в контексте современной цивилизации // Там же. С. 10–15. URL: <http://charko.narod.ru/tekst/cb7/lat.html>
9. Строгеецкая Е. В. В поисках модели современного университета // Высшее образование сегодня. 2009. № 3. С. 15–17.
10. De Wit H. Internationalization of higher education nine misconceptions // International Higher Education. The Boston College Center for International Higher Education. Summer 2011. № 64. URL: <http://www.bc.edu/research/cihe/ihe/issues/2011.html>
11. De Wit H. Rationales for internationalisation of higher education // Millenium. URL: <http://www.ipv.pt/millenium/wit11.htm>
12. Петрова Г. И., Хаткевич С. П. Современная модернизация стратегии инженерного образования и традиции русской культуры // Изв. Томского политехн. ун-та. 2006. Т. 309, № 5. С. 223–227.
13. Иркутская В. И. Развитие системы образования в России (настоящее и будущее) // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2010. Вып. 10 (100). С. 31–33.

Крашенинина А. О., аспирант.

Национальный исследовательский Томский политехнический университет.

Пр. Ленина 30, Томск, Россия, 634050.

E-mail: avgkrashao@mail.ru

Материал поступил в редакцию 06.05.2012.

A. O. Krasheninina

DIALECTICS OF POSITIVE AND NEGATIVE FREEDOM IN EVOLUTION OF UNIVERSITY EDUCATION

Freedom is a value of universities over their history. But with modification of functions and forms of universities, the elements of freedom also change. There is a danger of responsibility loss when freedom is reached as the absolute value. The author analyses historical forms of European and North American universities in whole and internationalisation of higher education in particular with a view to conception of positive and negative freedom and exposes necessity of moral or institutional restrictions.

Key words: *university, negative freedom, positive freedom, internationalisation, responsibility.*

National Research Tomsk Polytechnic University.

Pr. Lenina, 30, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: avgkrashao@mail.ru